

Сам способ войны, избранный «русскими дикарями» в 1812 г., стал традиционно противопоставляться явно идеализированному образу «гуманной» войны западноевропейцев. Даже русское пространство и русское время после войны 1812 г. стали восприниматься как враждебные европейцам.

В. Д. Камынин

Уральский университет (Екатеринбург)

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ! СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАКТА РИББЕНТРОПА — МОЛОТОВА

В истории внешней политики России Новейшего времени найдется немного договоров, которые вызывают столь бурную и длительную дискуссию, как договор о ненападении, заключенный 23 августа 1939 г. между СССР и Германией. Эти споры ведутся и в современной историографии, порождая все новые, порой совершенно невероятные версии об обстоятельствах подписания договора и его последствиях для хода мировой истории.

В новейшей отечественной историографии договора имеются как приверженцы традиционной советской точки зрения, так и их многочисленные критики. Дискуссия конца 1980-х — начала 1990-х гг. предельно разнообразила представление о генезисе и сущности пакта Риббентропа — Молотова.

Немало современных историков продолжают выдавать этот договор за бесспорное достижение внешней политики СССР, который позволил отсрочить войну с Германией и получить передышку для более основательной подготовки к войне. Они объясняют подписание договора объективными обстоятельствами, исходя прежде всего из вынужденного желания СССР избежать войны на два фронта.

Оппоненты традиционной точки зрения договор 1939 г. трактуют как попытку Сталина разжечь войну в Европе, столкнуть между собой гитлеровскую Германию и страны Запада и тем самым ослабить капиталистическую систему для нанесе-

ния по ней сокрушительного удара со стороны СССР. Многие исследователи считают советско-германский договор результатом добровольного и целенаправленного выбора Кремля, логическим следствием поворота на сближение с Германией, который совершил Сталин еще весной 1939 г. Его последствия данные историки считают катастрофическими для судеб Европы и всего мира.

Масло в огонь дискуссий подлил В. Суворов, который в своих книгах попытался представить СССР в качестве главного и единственного виновника развязывания Второй мировой войны. По его словам, этим пактом Сталин гарантировал Гитлеру свободу действий в Европе и, по существу, открыл шлюзы Второй мировой войны¹. Он смотрит на договор 1939 г. как на логическое продолжение курса большевиков на реализацию идеи мировой революции.

Следует констатировать, что современная российская историография этого вопроса чрезвычайно разнообразна по выдвигаемым версиям и очень часто историки обращаются за аргументами к зарубежной исторической науке.

В зарубежной историографии также длительное время ведутся споры о советско-германском договоре. В этой статье анализируются работы германских историков по данному вопросу, опубликованные в 1980–1990-е гг. Именно в последние два десятилетия XX в. в Германии вновь оживился интерес к изучению обстоятельств, связанных с заключением пакта Риббентропа — Молотова. В связи с 50-летием его заключения в Германии была опубликована свежая подборка документов по данному вопросу².

Современную германскую историографию «пакта Гитлер — Сталин» можно охарактеризовать примерно теми же параметрами, что и современную российскую. В Германии в последние два десятилетия XX в. было издано немало работ, специально посвященных истории советско-германского договора о нена-

¹ См.: Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну. М., 1992. С. 42.

² См.: Deutsch — sowjetische Geheimverbindungen // Unferoffentlichte diplomatische Depeschen zwischen Berlin und Moskau im Vorfeld des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1988.

падении. Это исследования Р. Ахмана, М. Брозата, Р. Вебера, Х. Герхарда, Э. Оберландера, И. Фляйшхауэр и др. Для современной германской историографии пакта 1939 г. характерен плюрализм мнений по поводу принадлежности инициативы, этапов германо-советского сближения и интерпретации его отдельных эпизодов.

В современной Германии доминирует консервативная концепция пакта, которая вписывает этот документ в прогерманскую ориентацию Сталина, наметившуюся либо с осени 1938 г., либо с весны 1939 г. Историки этого направления постоянно подчеркивают ведущую роль Кремля в процессе германо-советского сближения.

Существует несколько причин, с нашей точки зрения, обуславливающих существование консервативных взглядов на историю советско-германских отношений в преддверии Второй мировой войны. Одна из них заключается в том, что далеко не все германские историки согласны с тем, что холодная война исчерпала себя, и продолжают подливать масло в ее топку. Стоит также прислушаться к авторитетному мнению А. И. Борозняка, который признает, что «в ФРГ, освобождающейся от комплексов, заметно выросло влияние течений в исторической науке и в исторической публицистике, которое можно объединить в рамках понятия “новый немецкий национализм”». Он пишет, что «представители “новых правых” от историографии, группирующиеся вокруг Райнера Цительмана, объявляют себя сторонниками “столь желаемой, столь и неизбежной историзации национал-социализма”, которую они трактуют как отказ от “черно-белых стереотипов”, от “морализирования”, от “примата педагогических намерений над научно-историческими условиями”»³.

В большинстве современных исследований проводится консервативная точка зрения на пакт. Э. Топич пишет, что Сталин использовал Гитлера в качестве своего орудия, инструмента в интересах долгосрочной советской стратегии⁴. Х. Альтрих-

³ Борозняк А. И. Искушение: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999. С. 160.

⁴ См.: Topitsch E. Stalins Krieg. Die sowjetische Langzeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. Munchen, 1985. S. 15.

тер считает, что он не может точно сказать, какой аргумент сыграл решающую роль в стремлении Сталина подписать договор о ненападении с Германией, но однозначно не опасность войны на два фронта. По его словам, «договор дал Германии решающее основание для [неотвратимого] запланированного наступления против Польши»⁵.

Х.-У. Тамер полагает, что на практике, учитывая планы Гитлера, его пакт со Сталиным вылился в «приглашение к нападению на Польшу»⁶. По словам Х.-И. Торке, заключением пакта СССР «отпраздновал» в преддверии Второй мировой войны «кооперацию с гитлеровской Германией». Автор считает обе эти державы виновниками развязывания Второй мировой войны и полагает, что сразу же после подписания договора обе страны принялись решать свои территориальные проблемы⁷.

А. Хильгрубер трактует пакт как «временное частичное совпадение двух в корне различных политических стратегий», как «пересечение двух линий развития... только на одно историческое мгновение и в одной точке», а именно как заинтересованность Германии в войне против Запада. По мнению историка, интерес Сталина в данном случае заключался не в территориальных приобретениях, а в его намерении косвенно подтолкнуть войну Гитлера с Западом. При этом Гитлер рассматривался в качестве главного действующего лица, которое «обеспечит развязывание войны»⁸.

Ряд германских историков критикует данную точку зрения. По мнению И. Флейшхауэр, она имеет «слишком явную идеологическую подоплеку и психологическую потребность переложить ответственность на другую сторону» и обладает тремя недостатками: происходит смешивание общих принципов со-

⁵ *Altrichter H.* Kleine Geschichte der Sowjetunion. 1917–1991. Munchen, 1993. S. 93.

⁶ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. Berlin, 1986. S. 618.

⁷ *Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22 bis 1991* / Hrsg. von Hans-Joachim Torke. Munchen, 1993. S. 128–129.

⁸ *Hillgruber A.* Der Hitler-Stalin-Pakt und die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges Situationsanalyse und Machtkalkuel der beiden Pakt-Partner. Berlin, 1988. S. 230, 232.

ветской политики «мирного сосуществования» с целенаправленными «предложениями» в адрес Германии; некритически используются немецкие документы в качестве основы; недостаточное различие между заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении, с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния — с другой⁹.

Б. Пьетров пишет по поводу работы Э. Топича, что тот защищает «настолько же устаревшие, насколько и авантюристические позиции, которые не оставляют сомнения в том, что его не заботят научные результаты исследований»¹⁰.

В то же время как реакция на консервативную историографию в ФРГ появилось направление в исторической науке, возлагающее вину за заключение пакта исключительно на германскую сторону. По мнению его представителей, в течение весны—лета 1939 г. СССР добивался организации сильного антифашистского союза. Ввиду провала тройственных переговоров советское правительство обратило внимание на Германию, которая с нарастающей активностью вела зондаж советской стороны на предмет улучшения политических отношений между двумя странами. В качестве аргументов в пользу своей точки зрения эти историки используют многочисленные сообщения современников событий.

В начале 1990-х гг., когда советские историки вели очень острую дискуссию о договоре Риббентропа — Молотова, была переведена на русский язык и опубликована в СССР работа И. Фляйшхауэр, в которой очень основательно были рассмотрены не только обстоятельства подписания договора, но и проведен его текстовый анализ. Историк подробно остановился на вопросах авторства текста договора, исследовал смысловые разночтения между советским проектом и подписанным договором, проанализировал функциональные особенности его отдельных статей.

⁹ См.: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер—Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939: Пер. с нем. М., 1990. С. 27.

¹⁰ Pietrow B. Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowjetischer Aggression? Zur Kontroverse über die Praeventivkriegsthese. München, 1988. S. 117.

В. М. Фалин, комментируя данную работу, писал, что автор «не подлаживается ни к каким “историческим школам”»¹¹. По словам Л. А. Безыменского, И. Фляйшхауэр «продемонстрировала способность соотносить свои суждения не с установленными стандартами, давно принятыми на Западе, а с выверенными фактами»¹². Однако, если внимательно вчитаться в содержание данной работы, то можно обнаружить, что автор возлагает всю ответственность за заключение пакта всецело на германскую сторону.

И. Фляйшхауэр инициативу заключения пакта связывает преимущественно с Берлином, полагая, что она была проявлена уже осенью 1938 г. Автор считает, что «ее стали проявлять непосредственно после подписания Мюнхенского соглашения с целью создания такой внешнеполитической ситуации, которая исключила бы повторение осложнений масштаба судетского кризиса со всеми возможными в подобном случае катастрофическими последствиями»¹³. По ее мнению, «двигателем» инициативы германских дипломатов являлась их убежденность в невозможности для Германии вести войну на два фронта. И. Фляйшхауэр пишет, что «при подобном стечении обстоятельств Гитлер и в самом деле мог на рубеже 1938–1939 гг. (а точнее, пожалуй, после переговоров с Бекем, состоявшихся 5–6 января, и новогоднего приема 12 января) решить, что наступает время для такого альянса с СССР, который ему уже давно представлялся в виде временного «союза для войны»¹⁴.

Автор считает, что «государственный интерес Сталина при заключении германо-советского пакта состоял в политике умиротворения, сам пакт являлся прежде всего инструментом советской политики умиротворения. Политики, диктовавшей в первую очередь задачей предотвращения войны, в которой народам социалистического Советского государства пришлось бы, как и в Первой мировой войне, проливать кровь за чужие интересы»¹⁵.

¹¹ Фалин В. М. Вступительное слово // Фляйшхауэр И. Пакт. С. 10.

¹² Безыменский Л. А. Предисловие // Там же. С. 12.

¹³ См.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 331.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 357.

Б. Пьетров приходит к тем же выводам на основе анализа всей внешней политики Сталина в 30-е гг. Она отмечает, что руководство в Москве в течение всего предвоенного десятилетия проявляло заинтересованность в планах, направленных на сдерживание Гитлера. По мнению автора, договор фактически способствовал Германии и отверг внешнюю политику, которую проводил Литвинов. Она пишет, что советское правительство заключило этот пакт «с целью избежать участия СССР в европейской войне»¹⁶.

В. Айхведе отнес договор к результатам «созданной собственными руками слабости» сталинской политики¹⁷. Г. Юбершар считает, что пакт был для Гитлера лишь вспомогательным средством для достижения поставленных целей. По его мнению, война против Польши была лишь первым шагом в агрессивных намерениях Гитлера и пакт от 23 августа 1939 г. можно рассматривать как договор, направленный против Советского Союза¹⁸.

Крупную работу о пакте издал Р. Ахман. Он считал, что еще в середине августа 1939 г. у Сталина было несколько альтернативных вариантов, и среди них возможность, не проявляя собственной инициативы, пустить на самотек или замедлить германо-советские переговоры и переговоры между СССР и западными странами. Автор полагал, что именно Сталин предложил немцам советский проект договора о ненападении и тем самым обязательство полного нейтралитета¹⁹. По утверждению Р. Ахмана, Гитлер с самого начала намеревался нарушить договор о ненападении с Советским Со-

¹⁶ Pietrow B. Stalinismus, Sicherheit, Offensive. Das «Dritte Reich» in der Konzeption der sowjetischen Außenpolitik 1933–1941. Melsungen, 1983. S. 56–61, 127.

¹⁷ Eichwede W. Die Sowjetunion in der internationalen Politik 1917–1948. Gutesloh, 1989. S. 160.

¹⁸ См.: Überschar G. R. Hitlers Entschluss zum «Lebensraum» — Krieg im Osten. Programmatiches Ziel oder militärstrategisches Kalkül? // «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941, Berichte, Analysen, Dokumente / G. R. Überschar, W. Wette (Hrsg.) Paderbom, 1984. S. 83–110.

¹⁹ См.: Ahmann R. Der Hitler-Stalin-Pakt — Eine Bewertung der Interpretationen sowjetischer Außenpolitik mit neuen Fragen und neuen Forschungen. Berlin, 1990. S. 26–42.

юзом, и этот договор был для него пактом о «пока ненападении»²⁰.

Германские историки попытались определить круг тех людей, которые сыграли наиболее активную роль в подготовке и «проталкивании» договора. И. Фляйшхауэр критикует утверждение Риббентропа о том, что именно Сталин «уже на первой стадии переговоров заявил, что желал бы поднять вопрос об определении конкретных сфер интересов»²¹. Он считает, что инициатива подписания секретного дополнительного протокола исходила от германской стороны и его автором являлся сотрудник МИД Германии Гаус²².

Г. Х. фон Биттенфельд подчеркивает активную роль посла в Москве графа фон Шуленбурга в германо-советском сближении²³.

Часть современных германских историков придерживается сбалансированного подхода, согласно которому поиск путей сближения осуществлялся обеими сторонами и каждая из них постоянно подталкивала процесс улучшения отношений между ними. Некоторые из них пишут о том, что главной целью Москвы являлось намерение избежать изоляции, ради чего советское правительство готово было заключить договор с любой из соперничающих группировок капиталистических держав. По мнению Р. Вебера, Сталин и Гитлер постепенно и осторожно продвигались навстречу друг друга. Автор писал, что за «советскими авансами Германии» в мае 1939 г. последовала решающая «германская инициатива» в июле 1939 г.²⁴

Г.-А. Якобсен считает, договор отвечал интересам прежде всего Германии, однако именно Москва деликатно давала понять, что она заинтересована в улучшении взаимоотношений²⁵.

²⁰ См.: *Ahmann R.* Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg. Baden-Baden, 1988. S. 641.

²¹ *Фляйшхауэр И.* Пакт. С. 459.

²² См.: Там же С. 285, 286.

²³ См.: *Bittenfeld H.-H. V.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt a. M.; Berlin, 1982. S. 162.

²⁴ См.: *Weber R. W.* Die Entstehung des Hitler — Stalin — Paktes 1939. Frankfurt a. M., 1980. S. 139.

²⁵ См.: *Якобсен Г.-А.* Человечество воевало // Лит. газета. 1989. № 35.

С точки зрения А. Хильгрубера и К. Хильдебранда пакт отвечал интересам как Германии, так и СССР, будучи «пересечением двух линий развития»: заинтересованности Сталина в том, чтобы локализовать войну против Польши, и сталинской политики избегания соглашений с капиталистическими странами о сохранении статус-кво в Восточной и Центральной Европе²⁶.

Таким образом, в современной германской историографии можно найти несколько точек зрения на обстоятельства заключения и значение пакта Риббентропа — Молотова. Используя источники, хорошо известные на Западе, германские историки не могут однозначно ответить на вопросы: кто выступил с инициативой заключения договора, чьему перу принадлежит составление подписанных документов, чьим интересам в большей степени отвечал заключенный договор и к каким последствиям для мировой истории он привел.

П. М. Головатина

Уральский университет (Екатеринбург)

ЛЕНД-ЛИЗ КАК ОСОБАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ: ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ленд-лиз представляет собой уникальное явление в отношениях между государствами, аналогов которому не было в истории. Однако долгое время эта форма межгосударственных отношений оставалась предметом исследования главным образом зарубежных авторов. В нашей стране как в годы войны, так и впоследствии эта тема не получила широкого освещения. После публикации летом 1944 г. в советской прессе сведений о конкретных размерах поставок по ленд-лизу эти данные больше не обнародовались, а позже, в связи с обострением проти-

²⁶ См.: *Hillgruber A., Hildebrand K. Kalkul zwischen Macht und Ideologie: der Hitler-Stalin-Pakt, Parallelen bis Heute?* Zurich, 1980. S. 75.